

ВРАД ЛИ МОЖЕТ
вызывать сомнение
тот факт, что дела в
Московском драмати-
ческом театре имени

Еще раз о Театре имени Пушкина...

А. С. Пушкина обстоят далеко не благополучно. Неблагополучие это многолетнее, давнишнее; и вполне закономерен поэтому вопрос: что же все-таки происходит в одном из столбчатых коллективов, почему хронически лихорадит его, какие еще непреодоленные преграды и досадные препятствия стоят на творческом пути отнюдь не плохой труппы, мешают ей работать в полную мазу своих сил и возможностей? Поговорить обо всем этом тем более необходимо именно сейчас, когда внутри театрального коллектива разбуждались вдруг чрезмерные пылкие страсти, вызванные незначительным и, к слову сказать, не столь уж болезненным для театра сокращением труппы. Создается впечатление, что предстоящее сокращение явилось в данном случае лишь поводом для несколько запаздывающих разговоров о творческой судьбе театра, побудило людей открываемо, с трибуны собрания высказывать то, о чем прежде говорилось преимущественно в кулуарах...

Так что же все-таки происходит в столбчатом Театре имени Пушкина?

ПРЕЖДЕ ВСЕГО небольшой и, как нам кажется, весьма уместный экскурс в недавнее прошлое...

В августе 1958 года на страницах журнала «Театр» была опубликована статья Т. Ивановой «Без гражданского темперамента», содержавшая анализ творческой деятельности Театра имени Пушкина.

Можно и, очевидно, нужно было спорить по поводу того, имел или не имел автор статьи достаточно оснований, чтобы отказать всему коллективу, всем его творческим устремлениям в гражданском темпераменте — качестве, без которого трудно представить современный советский театр. Вероятно, не все критические оценки рецензента, не все его концепции и выводы были настолько безукоризненны и точны, что их следовало принять безоговорочно. Другими словами, творческим работникам театра, его художественному совету можно и нужно было серьезно обдумать выступление журналиста; разобораться, в чем неправ автор и в чем прав (а он, кстати, был во многом прав!); наконец, воспользоваться самим фактом опубликования критической рецензии, чтобы объективно и трезво поговорить о своих действительно существующих трудностях и невыходах.

Этого не случилось. В театре произошло другое: собравшись на расширенное заседание художественного совета, ведущие актеры и режиссеры, что называется, всем миром обрушились на «злонамеренного» рецензента, единодушно обвиняя его, если не в клевете, то, во всяком случае, в тенденциозном извращении фактов.

Об этой некрасивой и скажем прямо, несолидной истории из недавней практики театра (несолидной хотя бы уже потому, что впоследствии, спустя несколько месяцев, многие товарищи призна-

лись, что тогда, на заседании художественного совета, они «кричали душой» и что автор статьи был не так уж неправ!) — об этой истории, возможно, не следовало бы и вспоминать, если бы в самом характере обсуждения рецензии не проявился в полной мере упорно живущая в коллективе тенденция некритического подхода к оценке своей работы, нежелание серьезно и объективно, без мелочных обид и раздражения взглянуть на истинное положение дел в театре. А положение это сегодня таково, что сколько-нибудь веских оснований для благодушия, для неприятия в свой адрес горькой критики пока еще нет. Ведь не только, кстати, на страницах журнала «Театр» появлялись высказывания требовательных и доброжелательных зрителей, серьезно озабоченных состоянием репертуара и творческими просчетами театра...

Было время, когда Театр имени Пушкина справедливо упрекали в неадекватности к современному советскому репертуару. Отрицано, что теперь здесь взят твердый курс на создание современного советского спектакля — это можно только приветствовать. И не так уж в конечном итоге велика беда, если на трудном пути борьбы за современный репертуар было три или четыре спектакля (вроде «Секрета долголетия» И. Штока и «Весеннего шума» А. Симукова), которые исчезли с афиш после первых же представлений: нежелательные издержки производства случаются, как известно, и в области театрального искусства...

Внушает тревогу другое: даже имея в руках пусть не совершенную, но интересную современную пьесу, театр не всегда находит для нее наилучшее сценическое воплощение, работа над спектаклем нередко ведется наспех, без серьезной выискиваемости к своему творчеству. Так получилось, в частности, с недавней постановкой пьесы И. Дворецкого «Трасса».

В спектакле, бесспорно, есть много интересного, как интересна и свежа пьеса, написанная одаренным драматургом. Но думается все же, что театр в своей работе далеко не исчерпал тех возможностей, которые заложены в драматическом произведении: спектакль менее ярок и оригинален, нежели пьеса. При всех просчетах драматурга ему нельзя отказывать в отменном знании людей, о которых он пишет, в зоркой наблюдательности и непосредственности восприятия жизни. К сожалению, спектаклю недостает именно свежести и непосредственности: он сыгран и поставлен слишком уж традиционно. Сами работники театра признают, что спектакль не стал сколько-нибудь значительным событием в театральной жизни Москвы, каким были когда-то чеховский «Иванов» и «Тени» Салтыкова-Щедрина.

Невысказательность театра к своему творчеству особенно ощутима

сказалась в постановке комедии А. Бородавского «Медвежья шкура», точнее, даже не в постановке, а в самом факте появления этой пьесы в репертуаре. Комедия «Медвежья шкура» явно не удалась драматургу, она фрагментарна и поверхностна в обрисовке характеров, идейный замысел не раскрыт логикой драматургического действия. И можно ли удивляться, что спектакль получился беспомощным, рыцким, неинтересным!

Не принесла труппе сколько-нибудь заметного успеха и постановка пьесы Е. Успенской и Л. Ошанина «Он вернется» — третий в этом сезоне спектакль на современную тему.

Три советских спектакля, и ни один из них не стал арьером с лучшими работами коллектива прошлых лет... Что это — досадное невезение или прямой результат отсутствия в театре серьезной требовательности и подлинно творческой атмосферы, следствие работы наспех, «без огонька», печальный итог забвения непреложных норм внутритеатральной жизни?

Об элементарных вещах приходится вспоминать, говоря о Театре имени Пушкина... О том, например, что для нормальной жизни сложного театрального организма, как воздух, нужна ритмичная параллельная работа над несколькими постановками — ведь ее нет в Пушкинском театре. И зачастую бывает так, что готовится единственный спектакль, который затем выпускается на сцену лишь потому, что ничего другого выпустить нельзя. О том, что лихорадочная авральная пьеска, когда отменяются выходные дни и вводятся сверхурочные работы, — не самая идеальная обстановка для рождения хорошего спектакля (пример «Трассы», которую резажи и сокращали в пожарном порядке уже в «последнем» варианте, — лучшее тому подтверждение). О том, наконец, что даже удачные постановки, если за ними не следить, не держать их в нужных рамках и границах, со временем разбалтываются, блекнут, как совершенно разболтался и после пьесы, видимо, прежде спектакль «Поезд можно остановить».

В театре рассказывают, что было время, когда на рядовых спектаклях (не только на премьерах) присутствовали члены художественного совета, — почему бы не возродить такое разумное дежурство? Почему исчезла русская классика со сцены театра имени великого русского поэта («Иванов» и «Тени» — спектакли давнишние)? Почему за несколько лет театру не удалось создать пусть небольшой, но мало-мальски постоянный авторский актив: Бородавский, Дворецкий — кого еще могут назвать в коллективе? Почему театр не завоевывает, а терпит зрителя, и спектакли все чаще и чаще идут при полупустом зале (так было, например, 15 апреля, когда

на спектакле «Трасса» в зрительном зале было занято всего 19 процентов мест)?

Раздумывая над всеми этими коварными «почему?», некоторые работники театра склонны во всем винить И. Туманова: он же главный режиссер, к тому же временно исполняющий обязанности директора, с него и надлежит спрашивать за все неполадки и промахи. Нет слов, ответственность главного режиссера за положение в театре велика, и И. Туманову следует, очевидно, серьезно задуматься над тем, как жить и работать коллективу впредь.

Но ведь, кроме И. Туманова, в театре четыре штатных режиссера (кстати, не слишком ли много для труппы в 50—60 человек?), есть, как известно, художественный совет, существуют партийная и профсоюзная организации. Чем объяснить инертность, безынициативность художественного совета, какие доводы можно привести в оправдание такого удивительно ненормального положения, при котором партийные собрания в театре бывают раз в три-четыре месяца, а общие производственные совещания собираются чуть ли не единожды в году? Впечатление такое, будто замерла, застоялась внутритеатральная жизнь коллектива, и отсюда во многом равнодушие в работе, творческая неудовлетворенность, скука, которые проникают из репетиционных комнат на сцену и отсюда — в зрительный зал...

А ведь вспомним, как хорошо, как правильно говорится в прологе «Бедного дотоса»: «Когда в театр приходит скука — из театра уходит зритель!».

СРЕДИ работников столбчатого театрального коллектива имени Пушкина бытует почему-то вадорное мнение, будто к их театру и к их работе относятся предвзято, тенденциозно, замечают только плохое и не хотят замечать хорошего. Неправда это! Никому не придет в голову усомниться в художественных достоинствах таких интересно поставленных и отлично сыгранных спектаклей, как «Иванов», «Тени», «Жена», «Бедный дотос», «Ураган». Пред ли кто-либо станет отрицать высокое, филигранно отточенное искусство таких его замечательных и притом «разных» мастеров, как Б. Чирков, Ф. Раневская, О. Викланд, Л. Скопина, А. Шапо, творческую активность его одаренной молодежи...

Речь идет о другом: о том, что Московский драматический театр имени А. С. Пушкина может и должен работать лучше, чем он работает сейчас. Это в пределах его сил, в пределах его далеко еще не исчерпанных, не раскрытых в полную меру творческих возможностей...

Ник. КРИВЕНКО.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

28 апреля 1959 г. 3 стр.